

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 3 (237)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

Москва
2012

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 3 / 2012

Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 237

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305352
Россия и мусульманский мир №3: Москва; 2012
ISBN 2012-3*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ	5
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ	24
АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Россия и мусульманский мир №3

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!***

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ (ПЛАНЕТАРНОЙ) ДЕМОКРАТИИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Л.В. Скворцов, доктор философских наук, заместитель директора ИНИОН
РАН*

1. Феномен «глобальной (планетарной) демократии»

Феномен глобальной демократии возникает как следствие поражения фашизма в ходе Второй мировой войны и последовавшего затем распада колониальной системы. Победоносная война объединенных сил союзников – Советского Союза, США и Англии против фашизма, в силу логики противодействия расизму и нацистской диктатуре, придала принципам демократии **универсальный смысл**. И это оказало глубокое воздействие на всю послевоенную духовную ситуацию. Идеи приоритетной цивилизационной ценности равноправия народов, их свобода и независимость стали тем катализатором, который привел к ускоренному крушению колониальных империй.

Возникший глобальный тренд не мог не оказать влияния на характер создаваемых международных организаций. Речь, разумеется, прежде всего идет об Организации Объединенных Наций. В сущности ООН стала своеобразным демократическим мировым межправительственным центром, получившим гибкие и в то же время достаточно эффективные полномочия компромиссного решения возникающих проблем межгосударственных отношений, сохранения мира и безопасности народов.

Глобальное противостояние двух мировых систем, оформившееся политически и концептуально после известной речи У. Черчилля в Фултоне, стало происходить в форме мирного соревнования и «холодной войны». «Холодная война» периодически ставила мир на грань ядерной катастрофы. Своеобразным ее пароксизмом стал Карибский кризис. Осознание реальности угрозы гибели человечества изменило социальную психологию: стало очевидным, что путь «победы» той или другой общественной системы лежал через «горячую войну» с применением всех наличных разрушительных средств. Такая «победа» оказывалась тождественной тотальному поражению человечества.

Простая видимость поиска компромисса, «среднего пути» между капитализмом и социализмом не могла дать какого-либо реального результата. А на действительный компромисс у сторон не было достаточных интеллектуальных и морально-политических сил.

В итоге «холодная война» исчезает лишь в результате «перестройки», односторонней сдачи цивилизационных позиций социализма, отказа от той «конечной цели», которая определяла стратегию политики и жизни Советского Союза.

В итоге Советский Союз распался. Вместе с его распадом произошло коренное изменение всей международной обстановки, определявшей стабильность послевоенной глобальной демократии как сосуществования и относительно согласованного, мирного взаимодействия возникших и возникающих суверенных государств, ставших реальной основой жизнеспособности и жизнедеятельности Организации Объединенных Наций. Те документы, которые были разработаны и приняты Организацией Объединенных Наций, определяли демократический статус государств, получивших равное право голоса на Генеральных ассамблеях ООН независимо от их размера, экономической и военной мощи, как и права человека, ставшие ориентиром борьбы против всех форм дискриминации по расовым,

социальным, национальным, этническим и тендерным признакам. Вместе с тем стала реализовываться политика, нацеленная на сохранение мирового культурного наследия, духовного достояния народов мира. Программы, реализованные ЮНЕСКО, делали достоянием всего мира огромные культурные богатства, которые стали осваиваться за пределами их собственных регионов. Мировая культура как органическое взаимодействие и взаимообогащение культур локальных цивилизаций, образующее глобальное целое, стала превращаться в реальность.

Нарастающее чувство культурного достоинства, усиление духовного влияния различных культурных центров, цивилизационного самосознания и самоопределения стали формировать глобальный социально-психологический тренд. Радикальное изменение равновесия политических сил, связанное с распадом Советского Союза, создавало реальные возможности нового глобального порядка. К этому подталкивало и обострение противоречий, связанных как с тенденциями усиления глобального экономического и военно-политического неравенства, так и нарастающими проблемами экологического, энергетического, сырьевого, продовольственного и демографического кризиса. Для альянса стран Запада возникает благоприятная ситуация: можно возродить свою доминирующую имперскую роль в современном мире. Как представляется, при наличной военной и экономической мощи Запада ничто не может помешать реализации этой цели.

Однако продолжают действовать такие международные организации, как Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН, ЮНЕСКО, которые основываются на равноправном представительстве суверенных государств. Закрепленное в документах ООН право суверенных государств на определение стратегии своего развития и на невмешательство в их внутренние дела позволяет противодействовать стремлениям установления международных отношений с имперским односторонним влиянием. Вместе с тем установление в этих организациях нового одностороннего влияния рассматривается некоторыми политиками не только как насущная потребность, но и как неизбежность.

Такого рода организации должны либо изменить свои стратегические ориентиры, либо исчезнуть с поля глобальной политической игры.

Запад не может допустить такого течения мировых событий, когда он окажется в энергетической и сырьевой зависимости от стран, которые еще в недавнем прошлом находились от него либо в колониальной, либо фундаментальной политической зависимости.

Переход на позиции равноправной двусторонней, а тем более односторонней зависимости представляется неприемлемым, так как в этом случае может радикально измениться не только внешнеполитическая, но и внутривнутриполитическая ситуация в странах Запада: они перестают быть цивилизационным ориентиром, единственным центром глобального притяжения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Закономерно возникает вопрос, не является ли абсурдной сама идея возрождения глобальных имперских отношений в условиях, когда страны Запада постоянно утверждают принципы демократии в качестве той «политической коровы», сакральность которой не может быть поставлена под сомнение.

Возрождение глобальных имперских отношений возможно, если ему придать форму «реконструкции» глобальной демократии, ставящей цель освобождения мира от деспотических режимов и утверждения образцов западной демократии повсюду в мире. Для этого целенаправленно формируется глобальная мечта: достаточно просто пожелать и проявить волю и тогда можно начать жить так, как живут американцы или западноевропейцы. Распространяется представление, что может родиться новый мировой порядок. Так распространяется представление о желанной возможности нового мирового порядка. Но естественным следствием формирования этого порядка становится изменение формулы глобальной демократии. Изменение этой формулы может быть представлено как грандиозный проект, как

волна будущего, с которой можно достаточно комфортно войти в это будущее, либо, напротив, оказаться поглощенным этой волной и быть «смытым» с исторической арены.

Рождение такой дилеммы – это своеобразная форма эффективного психологического диктата: либо вы принимаете новые глобальные правила игры, либо вас из нее «выпадают».

Именно этой игрой теперь и должна определяться судьба локальных цивилизаций. Нельзя не видеть, что суверенитет государств, возникших в постколониальную эру, стал своего рода охранной грамотой цивилизационной специфики народов мира, которая в свою очередь становилась духовным основанием сохранения государственного суверенитета свободных от колониальной зависимости стран.

Задача теперь видится в том, чтобы представить глобальный демократический процесс принятия решений не как систему общего участия, участия представителей фактически существующих равноправных суверенных государств, а утверждение в мире «лигой избранных» наилучших принципов жизни, которые они знают и которыми они руководствуются. Именно они олицетворяют «подлинную демократию».

Естественно возникает вопрос, что представляет собой «лига избранных» и как она собирается утверждать в мире «подлинную демократию»?

2. Самодержавная демократия

Очевидно, что понятие «подлинной демократии» включает в себя разделение всего поля демократии. Оно предполагает существование «неполноценных» с точки зрения демократии государств. Глобальная демократия как сумма суверенных государств должна быть подвергнута своеобразной «ревизии». Это значит, что смысл «лиги избранных» применительно к системе международных отношений состоит в ее ограничительных функциях. Не все государства могут быть включены в состав «признанных».

Но каким образом концептуально и политически реально может быть расшифрован ограничивающий смысл демократии применительно к исторически легально возникшей международной системе суверенных государств, входящих в Организацию Объединенных Наций? Этот смысл может быть расшифрован, если мировую демократию «сблизить» с теми формами международных организаций, которые включают в себя доминирующую в современном мире власть как складывающуюся реальность консолидированного экономического, политического и военного могущества. Такая реальность возникает в принципах и механизмах деятельности таких организаций, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, не говоря уже о военной организации НАТО. Но как возможно публичное провозглашение линии на формирование нового международного порядка, ограничивающего сферу действия системы глобальной демократии, охватывающей существующие в действительности суверенные государства? Как его совместить с принципами жизни и деятельности Организации Объединенных Наций?

Это кажется возможным, если допустить «сосуществование» различных типов демократий. Как представляется, приоритет в таком допущении принадлежит Джону Маккейну, кандидату в президенты от Республиканской партии. Это случилось в Соединенных Штатах Америки в ходе президентской предвыборной кампании 2008 г. В ходе этой кампании Джон Маккейн выдвинул идею Мировой лиги демократий, не отрицающей существование ООН, а существующей наряду с ней и как бы помогающей в эффективном решении глобальных проблем. Как кандидат в президенты США от Республиканской партии Джон Маккейн объявил демократическими союзниками Соединенных Штатов солдат Британии, Канады, Дании, Германии, Италии, Литвы, Польши, Испании и Турции, а также силы Австралии, Японии, Новой Зеландии, Филиппин и Южной Кореи. Но поскольку эти силы не работают систематически над реализацией дипломатической и экономической стратегии, то НАТО

должна заполнить этот пробел, формируя партнерство с великими демократиями в Азии и в мире. «Мы должны, – утверждал Маккейн, – идти дальше и связать демократические нации в одну общую организацию: в Мировую лигу демократий. Она будет не похожа на обреченный план Вудро Вильсона создать универсальную Лигу Наций»¹.

Лига демократий – это лига избранных и ее задача быть «уникальной служанкой свободы»², а не **универсальной организацией**.

Таким образом, наряду с «недостаточно эффективной» Организацией Объединенных Наций, которая чем-то напоминает в силу своей универсальности «обреченную» на провал Лигу Наций, должен возникнуть эффективный Союз мыслящих идентично демократий.

В свое время наряду с Лигой Наций, а точнее вместо нее, стали возникать ограничительные союзы государств, которые использовали избирательную политическую и геометрическую терминологию, и это привело в конечном итоге к глобальной катастрофе Второй мировой войны. Возникает вопрос: не является ли Мировая лига демократий если не «треугольником», то «многоугольником», т.е. опять-таки «геометрической фигурой», которая в действительности создает ограничительные барьеры между собой и остальным миром?

Как следует расшифровать тот смысл, который вкладывается в понятие «Мировая лига демократий»? Если универсальную в своей сущности Организацию Объединенных Наций нельзя считать эффективной глобальной демократией, то тогда функции глобальной демократии должны быть переданы новой «не-универсальной» международной организации. Такова скрытая «логика» рассуждения Джона Маккейна.

Очевидно, однако, что осознанное отречение от универсальности – это уже не совсем демократический или, точнее, совсем не демократический шаг. Демократия означает соединение различий. Если же Мировая лига демократий избирательно соединяет цивилизационных и политических единомышленников, то это напоминает мировой заговор движения в направлении тоталитарного союза. Для оправдания такого движения налагается специфическая тень на цивилизационное многообразие современного мира. Оно представляется «реликтовым», не соответствующим движению волны исторического будущего. Конечно, можно абстрактно рассуждать о благородных целях Лиги демократий – облегчении страданий, о борьбе со СПИДом, противодействии экологическому кризису, обеспечении свободного доступа к рынкам для тех, кто утверждает экономическую и политическую свободу. Но если ближайшие демократические союзники Соединенных Штатов – это солдаты разных стран, а партнерство с великими демократиями формирует НАТО, то мы получаем формулу коллективной глобальной диктатуры, очерчивающей границу свободы только для себя. Это уже не глобальная демократия, а форма власти, игнорирующая один из фундаментальных принципов демократии – принцип свободы цивилизационных субъектов. Ограничение цивилизационного пространства свободы свободой для себя, это уже несвобода в точном смысле этого слова.

Обратимся к другому фундаментальному принципу демократии – принципу равного представительства в органах власти. Очевидно, что глобальная демократия требует признания реальности равных прав цивилизационных субъектов в международных органах управления, если они претендуют на глобальность как форму универсальности.

В связи с этим возникает другой вопрос: совместима ли глобальная демократия с единоличным лидерством одной державы? Этот вопрос имеет как правовой концептуальный аспект, так и аспект практической политики. Если концептуально утверждается мировое лидерство одной державы, то в этом утверждении содержится претензия на единоличное принятие практических решений, имеющих глобальный смысл.

¹ McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom // Foreign Affairs. November / December 2007. Vol. 86. N 6. P. 26.

² Ibid.

Возможно ли какое-либо конституционное ограничение единоличного глобального лидерства? Такой конституции мы не знаем. И это создает критическую ситуацию для принципов демократии.

Современная практика международных военных акций свидетельствует о том, что реальность единоличного принятия военных решений, имеющих международное значение, может быть отнесена прежде всего к американской внешней политике. Так, например, администрация Джорджа Буша единолично принимала решения о начале военных действий в Ираке, без какой-либо санкции Организации Объединенных Наций, без получения общего согласия американских союзников. Но эта акция затронула ключевые проблемы международной безопасности не только в регионе Ближнего Востока.

Единоличная лидирующая функция не обсуждается и не утверждается международным сообществом. Она провозглашается и берется фактически.

Механизмы «захвата» лидирующих функций наиболее активно обсуждаются в процессе предвыборных кампаний. При этом выясняется, что глобальные лидирующие функции не санкционируются и избирателями и это порождает серьезные негативные политические последствия.

Так, например, Хиллари Клинтон свидетельствовала о том, что администрация Джорджа Буша поставила американский народ перед ложным выбором: сила против дипломатии, унилатерализм против мультилатерализма, твердая власть против «мягкой». Иными словами, Буш предлагал использовать мощь Соединенных Штатов для реализации политической воли единолично следуя своему выбору.

Х. Клинтон, в отличие от Буша, считает, что существует время для единоличного использования силы и время для мультилатеральной дипломатии. Внешняя политика Соединенных Штатов должна в определенных ситуациях руководствоваться предпочтительностью мультилатерализма, применяя унилатерализм тогда, когда абсолютно необходимо защищать безопасность страны или предотвращать возможную трагедию³. Х. Клинтон исходит из предпосылки, что мир все еще обращается к Соединенным Штатам за руководством, что американское руководство желаемо и что американские друзья существуют повсюду в мире и желают объединиться с нацией, чьи ценности, руководство и чья сила вдохновляли мир в прошлом веке⁴.

Достаточно напомнить об американской войне во Вьетнаме, чтобы поставить под сомнение утверждения о том, что американская сила вдохновляла в прошлом веке весь мир. Но об этом сегодня можно забыть.

Х. Клинтон справедливо считает, что «солдаты не являются ответом на все вопросы»⁵. Подчас, считает она, лучше просто держать большую дубинку, нежели использовать ее. Однако без соответствующего идеологического флера держать над миром большую дубинку значит порождать нежелательный глобальный резонанс. Это и произошло, например, тогда, когда окончательно прояснилось, что предлог для военного вторжения в Ирак оказался ложным. Таким образом, мировое лидерство как основание единоличных решений, следующих ложным доводам и волевому устремлению, создает неблагоприятную атмосферу реализации внешней политики. Здесь необходимо коллективное участие, чтобы придать видимость легитимности, скажем, неспровоцированной агрессии. Для обеспечения коллективного участия в неблагом деле следует либо иметь, либо создать «достаточное основание». Поскольку администрация Дж. Буша допустила ошибку, то необходимо вернуть ситуацию в исходное

³ См.: Clinton H.R. Security and Opportunity for the Twenty – first Century // Foreign Affairs. November / December 2007. Vol. 86. N 6. P. 5.

⁴ Ibid. – P. 4.

⁵ Ibid. – P. 5.

положение. Х. Клинтон считает, что нужно вывести американские войска из Ирака. И это, полагает она, возродит доверие в мире к американскому руководству. Нужно сделать Америку снова великой, опираясь не просто на военную силу, размер и богатство нации, но на американскую идею⁶, утверждает она. Какая идея делает американцев американцами? Джон Байерли, посол США в России, считает, что это поддержка демократии и прав человека не только в самой Америке, но и повсюду в мире. И в этом смысле правительство США может судить любую страну. «Как любит говорить Хиллари Клинтон, – утверждает он, – это у нас заложено в ДНК. Совершенно очевидно, что по этому кругу вопросов мы, американцы и россияне, часто имеем разные взгляды»⁷.

В силу того, что идея демократии и прав человека находится в ДНК американцев, их никто не может судить: разве можно судить Природу: она такая как есть и иной быть не может.

Но почему руководство одной державы всем миром идентифицируется как распространение демократии? Разве Рим, когда он был республикой и завоевывал мир, распространял демократию? На самом деле республика осуществляла имперское правление над другими народами и государствами. И в конечном счете сама превратилась в империю.

Возникает закономерно вопрос: как возможна глобальная демократия при утверждении руководства миром одной сверхдержавой? Глобальное руководство со стороны одной сверхдержавы превращает в своеобразный фиговый листок демократические процедуры во всех странах, которые становятся сателлитами, а не равноправными партнерами сверхдержавы. Сверхдержава начинает создавать глобальную военную структуру, которая должна служить «достаточным основанием» для понимания всеми другими странами своего второстепенного места в глобальном мире, в котором им лучше добровольно подчиняться нежели бунтовать и быть поставленными на колени превосходящей мощью.

Эта ситуация чем-то напоминает феномен самодержавия в глобальном масштабе, самодержавия, облеченного в демократический наряд.

3. Космополитическая демократия

Можно определенно утверждать, что практическая реализация идеи Мировой лиги демократий ведет к образованию «самодержавной демократии». Самодержавная демократия внутренне противоречива и, естественно, не может не встречать критического к себе отношения как со стороны внутренних, так и внешних политических сил. Стратегическая цель успешной реконструкции глобальной демократии требует создания привлекательного образа «подлинной» демократии, во всяком случае более привлекательного, чем самодержавная демократия. Так возникает идея альтернативы самодержавной демократии, отрицающей безусловное единоличное лидерство. Сущность этой альтернативы в равенстве всех участников лиги демократий, закрепляемом в единогласном принятии решений внутри лиги.

Как показывает исторический опыт, для такой коллегиальности необходимо обрести органичное экономическое взаимодействие, позволяющее сформировать общий рынок, обеспечить свободное движение товаров, услуг, рабочей силы, проводить общую таможенную политику и вводить единый визовый режим и единую валюту. Коллегиальная демократия должна добиваться признания населением различных стран общих ценностей. Она должна сохранять традиции высокой культуры.

⁶ См.: Clinton H.R. Security and Opportunity for the Twenty – first Century // Foreign Affairs. November / December 2007. Vol. 86. N 6. P. 18.

⁷ См.: Новое время. The New Times. № 36 (221). 31 октября 2011. С. 35.

Все это вместе взятое может превратить именно ее в «маяк», который освещает не только локальные, но и глобальные пути и маршруты цивилизационной эволюции.

Для сохранения статуса глобального маяка коллегиальная демократия должна открывать свои границы для представителей различных этносов, чтобы они собственным опытом подтвердили высокий цивилизационный статус коллегиальной демократии.

Какое международное образование в современном мире может реально претендовать на статус такого глобального маяка? Это, естественно, Европейский союз, имеющий свой парламент и свое правительство – Европейскую комиссию.

Практика жизни Европейского союза начинает сегодня анализироваться под углом зрения стратегии современной международной политики. Демократические механизмы работы Европейского союза, в котором не признается власть единоличного лидера, можно рассматривать как своеобразный контрапункт американской модели Мировой лиги демократий. Вместе с тем Европейский союз – это, безусловно, ограничивающая глобальную демократию модель. Для участия в работе и жизни Европейского союза приглашаются не все, а избранные по определенным показателям.

Таким образом, и американская модель, и модель Европейского союза ограничивают тот круг, в котором реализуются принципы «подлинной» демократии. За пределами этого круга возникает своеобразная «серая зона», на которую уже не распространяются принципы и законы демократии. В этом – совпадение американской и европейской моделей. Это совпадение находит свое очевидное выражение в организации и стратегии блока НАТО.

Блок НАТО в современной ситуации осуществляет военные операции далеко за пределами своих границ, фактически по всему миру. При этом для военных операций выбираются такие регионы и страны, из которых не может последовать эквивалентного ответного удара по государствам, входящим в НАТО.

Американская внешняя политика нацелена на создание в различных регионах мира таких структур, которые гарантируют от ответного удара прежде всего территорию Соединенных Штатов Америки. Создание таких структур позволит существенно раздвинуть границы «серой зоны», на которую не распространяются принципы и законы, действующие в границах собственных демократий.

Возникает вопрос, возможна ли и какой может быть академическая оценка тех политических тенденций, которые нацелены на «реконструкцию» глобальной демократии, сложившейся после Второй мировой войны, разгрома фашизма и крушения колониальных империй? Очевидно, что академические дискуссии, возникающие вокруг этих проблем, представляют не только теоретический, но и живой практический интерес.

В связи с этим не может не обратить на себя внимание теоретический диалог между Дэвидом Хелдом, профессором политической науки Лондонской школы экономики и политической науки, автором публикаций «Демократия и глобальный порядок» (1995), «Модели демократии» (3-е изд., 2006), и профессором международных отношений Хельсинкского университета Хейкки Патомеки, автором таких книг, как «Демократизирующаяся глобализация» (2003) и «Возможный мир: Демократическая трансформация глобальных институтов» (2004, в соавторстве с Тейво Тейвайнен).

Х. Патомеки с самого начала отмечает характерную особенность позиций индустриально развитых стран Америки и Западной Европы. Они позиционировали себя в качестве национальных суверенных государств (nation-states). Если это – атрибут демократичности государства, то распространение демократии следует рассматривать как утверждение всех государств в мире в качестве nation-states. Но почему-то освободившимся от колониализма государствам приходилось вести длительную и упорную борьбу за получение статуса nation-states, равноправных во всех отношениях участников международных процедур принятия решений.

Заметим при этом, что особенно наглядно разного рода ограничения действовали в отношении Советского Союза, а затем и Российской Федерации. Достаточно вспомнить процедуру отмены поправки Джексона–Вэника или «историю» вступления России в ВТО. Ключ к объяснению таких явлений лежит в скрытом неприятии концепции равенства субъектов глобальной международной политики. Эта проблема возникла сразу при создании Организации Объединенных Наций.

В первых дискуссиях о характере планетарной демократии была еще жива надежда на то, что принципы планетарной демократии могут и должны быть универсальными, одинаковыми для всех. Однако уже в годы «холодной войны» складывается противоположная интерпретация принципов демократии. Соответственно затухает и дискуссия о характере универсальной планетарной демократии.

Х. Патомеки считает, что тема общей планетарной демократии вновь всплывает на поверхность в 70-е годы, когда «третий мир» выдвинул требование нового международного экономического порядка. Объединенные нации декларировали, что «все государства являются юридически равными и как равные члены международного сообщества имеют право участвовать целиком и действительно в международном процессе принятия решений, касающихся мировых экономических, финансовых и монетарных проблем»⁸. Требование государственного суверенитета в ходе процесса деколонизации создавало легитимную платформу для борьбы с имперским правлением и эксплуатацией, которое испытывало большинство человечества за пределами стран, представляющих ключевые регионы мировой экономики. И не случайно демократические устремления в мире артикулировались в терминах межгосударственных отношений⁹.

Х. Патомеки, также считает, что это было время расцвета государственного суверенитета и первого совместного выхода стран «третьего мира» из-под правления индустриального капитализма и европейских империй. Закономерно возникает вопрос: можно ли было считать складывающуюся волну глобальной демократии неодолимой волной будущего? Или вера в полное равенство и незыблемость суверенитетов вновь возникающих национальных государств это – процесс обратимый?

Складывающаяся глобальная социально-психологическая ситуация, казалось бы, открывала широкий путь для окончательного утверждения универсальных принципов демократии для всех. На самом деле процессы глобализации и конец «холодной войны» поставили тему универсальности планетарной демократии в новых ее аспектах. Теперь уже не было очевидных политических препятствий для приведения планетарной демократии к «общему знаменателю». Но этого не происходит. В системе международных отношений под влиянием политики перестройки наблюдаются асимметричные процессы. Осуществляется роспуск военной организации Варшавского договора, демонтируются оборонительные структуры Советского Союза и происходит его распад. Параллельно с этим процессом происходит наращивание военной мощи США и военного блока НАТО.

Вместе с тем надежды на окончательную планетарную победу универсальности принципов демократии превращаются в опасную иллюзию. Дело в том, что лозунг утверждения повсюду в мире принципов подлинной демократии теперь мог использоваться в качестве тарана для нарушения государственного суверенитета стран, получивших независимость после Второй мировой войны и распада колониальных систем.

⁸ См.: Theory. Culture and Society, London, New Delhi. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 115.

⁹ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory, Culture and Society, London. New Delhi. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 115.

Возникает ситуация, при которой под флагом утверждения демократии можно начать реализацию геополитических целей. Но как придать этому процессу видимость планетарного шествия демократии?

Характерно, что в те годы, когда происходит кардинальное изменение соотношения сил на мировой арене, Джон Бэрнхейм выдвигает теорию «космополитической демократии». Дэвид Хелд развил эту теорию в своем очерке «Демократия, государство – нация и глобальная система» (1991), а затем в книге «Демократия и глобальный порядок» (1995).

Х. Патомеки считает, что в итоге были сделаны важные открытия. Оказалось, что именно создание Европейского союза можно представить как результат преодоления нацизма и дилемм межгосударственных отношений посредством интеграции. А это значит, что не крушение колониальной системы и образование суверенных государств, не глобальная демократия являются продуктивным ответом на исторический опыт XX в., а именно Европейский союз. На самом деле разве создание Европейского союза не означало устранение возможности агрессивных действий между государствами, вошедшими в этот Союз? Но не означает ли это рождение возможности вынесения агрессивных действий вовне Союза? И не становится ли блок НАТО орудием такого вынесения?

Как в контексте этих вопросов оценивать смысл «космополитической демократии»? Можно ли считать, что теория «космополитической демократии» имеет универсальное значение и может применяться по отношению к неевропейским государствам?

Оказывается, вполне возможно, но только в качестве морального основания диктата правил внутреннего устройства для тех государств, которые не могут рассматриваться в качестве полноценных nation-states. Но существуют и демократические принципы, которые могут в руках Евросоюза претендовать на глобальный статус.

Дэвид Хелд полагает, что существует восемь всеохватывающих принципов «космополитической демократии», которые позволяют утверждать, что «космополитическая демократия» может претендовать на глобальный статус. Это равные для всех ценность и достоинство; активное участие в демократических акциях; личная ответственность за принимаемые решения и отчетность; достижение согласия; коллективное принятие решений посредством процедур голосования; включенность всех и поддержка большинства; недопущение серьезного ущерба при решении практических задач; сохранность целостности общества. Вместе с тем рациональность космополитических принципов зависит от признания двух фундаментальных метапринципов или организующих понятий: культурно-исторического метапринципа автономии и философского метапринципа беспристрастности.

Эти принципы, бесспорно, хороши и в своей абстрактности универсальны. Но почему же они реализуются лишь в пределах Союза? Разве бомбардировки Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии отвечают принципу недопущения серьезного ущерба? Разве можно говорить о включенности всех при казни Саддама Хусейна и убийстве Муамара Каддафи? Где здесь коллективное принятие решений посредством процедур голосования? Где ответственность Дж. Буша за принятие решения о военном вторжении в Ирак по очевидному ложному основанию? О какой сохранности целостности общества может идти речь, если вооруженные силы НАТО поддерживали лишь одну сторону в гражданской войне в Ливии?

Таким образом, остается открытым вопрос о том, являются ли восемь демократических ориентаций поведения и два метапринципа ориентирами внутреннего пользования в границах «космополитической демократии» Евросоюза или они распространяются на всю совокупность возникших после Второй мировой войны суверенных государств?

Если эти ориентации предназначены для замкнутого европейского ареала, то тогда «космополитическая демократия» может обрести имперские качества.

В обретении имперских качеств потенциально заключена возможность отречения от принципа единогогласного принятия союзных решений. Эта тенденция проявляется уже в

ситуации экономического кризиса, бремя которого воспринимается по-разному в различных странах, входящих в Европейский союз. И в этой ситуации возникает необходимость перехода от единогласного принятия решений к принципу квалифицированного большинства. Затем, возможно, простого большинства. Если и простое большинство не может обеспечить согласованного характера решений, то возможен либо путь диктатуры федерального правительства, либо путь распада Союза.

Но тогда какой принципиальный смысл имеет борьба против диктатур в других странах? Или это лишь предлог для достижения геополитических целей?

Как теперь можно дать теоретическую оценку военных вторжений вооруженных сил США и блока НАТО в различные страны мира? Отчасти оценка определяется последствиями военных вторжений. Что же получается в итоге?

В Ираке и в Афганистане поднялась волна терроризма. В Ливии в качестве истины жизни в освободившейся от Муамара Каддафи стране провозглашаются не принципы «космополитической демократии», а догматы шариата. В Египте в результате демократического голосования к власти приходят братья-мусульмане и салафиты.

Возникает фундаментальная концептуальная проблема: почему принципы демократии, рожденные Западной политической традицией и воспринимаемые в качестве безусловно универсальных, начинают странным образом «пробуксовывать» в цивилизационных песках Ближнего Востока и Северной Африки?

Этот вопрос в равной степени относится как к истинам американских отцов-основателей, так и теоретиков «космополитической демократии».

4. Философские дилеммы

Не секрет, что инициатором военных вторжений во имя утверждения демократии повсюду в мире, как правило, выступают Соединенные Штаты. В этом они видят свою лидирующую роль. Вместе с тем в контексте возникающих военно-политических и экономических последствий реконструкции глобальной демократии, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты Америки, возникает вопрос: имеют ли президенты США основополагающую стратегию (*grand strategy*)?

Дэниел Дрезнер, профессор международной политики во Флетчеровской школе права и дипломатии Университета Тафта, отмечает, что в результате военной интервенции в Ливию возникли острые дебаты относительно возможности существования стратегической доктрины у Обамы. Хор обозревателей внешней политики стал жаловаться на предполагаемую стратегическую некомпетентность администрации США¹⁰.

Д. Дрезнер приводит мнение обозревателя газеты «Вашингтон пост» Джексона Дилия, который считает, что особенностью американской администрации является отсутствие основополагающей стратегии или стратегов. Аналогичной точки зрения придерживается политолог Джон Миршаймер, который считает, что коренной причиной злослучий Америки является принятие после «холодной войны» неправильной стратегии. Майкл Хирш в «Национальном журнале» доказывает, что в действительности доктриной Обамы является вообще отсутствие какой-либо доктрины.

Д. Дрезнер, не соглашаясь с этими точками зрения, выделяет два аспекта «основополагающей стратегии» администрации Обамы. Во-первых, это восстановление позиции Америки путем сокращения ее вовлеченности в зарубежные операции и переложение бремени на ее глобальных партнеров. Во-вторых, это утверждение влияния американских идеалов и

¹⁰ См.: Drezner D.W. Does Obama Have a Grand Strategy? // Foreign Affairs. July / August 2011. Vol. 90. N 4. P. 57.

интересов в мире путем контрударов, когда им возникают вызовы со стороны других государств.

Вряд ли эти пункты политики можно охарактеризовать как «основополагающую стратегию». Скорее они характеризуют тактику внешней политики администрации Обамы.

Проблема глобальной политической стратегии связана с правильным толкованием пути, основанного на истинности констант политики, тех универсалий, которые объясняют направление политических действий и нравственный пафос государственных лидеров. Это – исходные философские истины, которые являются моральным и правовым оправданием конкретных политических действий. Именно на такие универсалии и опирается Барак Обама в качестве исходной предпосылки своей политики.

Так, объясняя свое решение об интервенции в Ливию, Барак Обама говорил, что «отречение от американской ответственности как лидера и – более глубоко – от нашей ответственности за наших братьев – человеческих существ при таких обстоятельствах могло бы означать предательство нас самих... Повсюду, где люди стремятся стать свободными, они найдут в Соединенных Штатах своего друга»¹¹. Очевидно, что Барак Обама опирается на человеческую идентичность, состоящую в стремлении к свободе. Иными словами, он считает другом лишь тех «других», которые демонстрируют свою политическую идентичность с американской идентичностью. Если это и есть человеческая идентичность, то тогда все, не обладающие такой политической идентичностью, не могут рассматриваться как часть человеческой общности. В этой философии – объясняющая военно-политические акции Америки духовная основа глобального руководства современным миром, в том числе и использования военной силы.

Характерна в этом отношении точка зрения Х. Клинтон. Уже в статусе государственного секретаря она утверждала, что «с помощью правильного баланса гражданской и военной силы Соединенные Штаты могут продвигать свои интересы и ценности, вести и поддерживать другие нации в решении глобальных проблем... И мы можем подняться до мировых вызовов XXI в. и встретить проверку американского глобального руководства»¹².

За этими утверждениями лежит уверенность в точном знании истины бытия человека и истины цивилизационной жизни.

Такое представление подкрепляется очевидной общностью исходных принципов западной демократии. Их можно вычлениить и при рассмотрении сущности космополитической демократии. Но как объяснить их универсальность, т.е. верность применительно к любым цивилизационным условиям и любым историческим обстоятельствам?

Если мы допускаем, что современные принципы западной демократии – принципы свободы, выборности органов власти, беспристрастности судебных решений и т.д. – это принципы разума, а разум универсален, то тогда человек как *homo sapiens* независимо от его этнического, расового, цивилизационного своеобразия должен принять эти принципы в качестве безусловной истины.

Если с этой точки зрения обратиться к рассмотрению метапринципа автономии (*metaprinciple of autonomy* – МРА – в трактовке Дэвида Хелда), то демократическая культура в западном понимании утверждает концепцию личности как гражданина, с самого начала свободного и равного и в этих ипостасях понятного для всякого другого. Это – идентичность человека вообще. Таким образом, специфически западное представление об истинной сущности человека утверждается как критерий универсальности.

Однако восточная традиция видит критерий универсальности в достижении духовного совершенства, путь к которому – длительный процесс. В силу этого индивиды не могут быть

¹¹ См.: Foreign Affairs. July / August 2011. Vol. 90. N 4. P. 66.

¹² Clinton H.R. Leading Trough Civilian Power // Foreign Affairs / December 2010. Vol. 89. N 6. P. 24.

идентичными в своих реальных качествах; они различны, поскольку находятся на разных стадиях духовного становления.

Если мы принимаем западное представление об идентичности человека вообще за константу, то тогда основной массив бытия людей в истории следует рассматривать как отступление от истины: на самом деле рабство, крепостничество, принудительная эксплуатация оказываются за пределами истинной истории.

В этом смысле восточная традиция, легитимизирующая неравенство индивидов, может рассматриваться как философская апология истории.

Возникает вопрос: на что должен опираться разум в постижении истины? – на абстракцию идентичности человека вообще или на опыт реальной истории? И здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Мышление Запада традиционно считается динамичным, подвижным, антиподом всякой косности, тогда как сознание Востока полагается консервативным, «застойным». Однако применительно к толкованию внутреннего мира человека Восток традиционно придерживается позиции, исключающей константное представление о свойствах «человека вообще». Если и признать константность духа «человека вообще», то к нему можно отнесли профанную массу, которая механически усваивает ритуальные формы поведения. Для нее существуют лишь такие правила «свободной игры», результаты которой не могут выходить за установленные пределы. Тот, кто разрабатывает эти правила, всегда оказывается «более равным» чем равенство всех остальных. Но как быть с неравенством личностей? Можем ли мы в действительной жизни игнорировать это неравенство? Если все равны, то зачем тратить энергию и время на поиски лучшего, на выбор наиболее достойного? Но в процедурах этих выборов заключена сущность демократии. Получается, что сама демократия основана на внутреннем противоречии. Кроме того, закономерно возникает вопрос: всегда ли западная традиция считала метапринцип автономии (т.е. стремления к свободе) отправным пунктом построения правильного социума?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Возьмем в качестве примера принципы жизни Пифагорейского союза. Для него характерен предустановленный неизменяемый порядок, охватывающий все подробности жизни, подчинение мышления принципам господствующей доктрины, строгая дисциплина и градация членов общества. Известно также, что пифагорейцы считали друг друга равными блаженным богам, а всех прочих ни во что не ставили. Эти представители блаженных богов были властолюбивы и хотели быть пастырями народов¹³. Это что-то нам напоминает и из опыта современной жизни.

Можно, конечно, возразить и сослаться на тот факт, что пифагорейцы изгонялись и подвергались гонениям в Великой Греции. Но это вовсе не означало искоренения тех принципов, на которые опирался Пифагорейский союз. Эти принципы живы до сих пор. Посмотрите на жизнь Ватикана: разве там не присутствуют пифагорейские принципы? Почему же Барак Обама не дает указание бомбить Ватикан? Видимо, потому, что американская администрация так же как и Ватикан считает себя равной блаженным богам, хочет быть пастырем народов и ни во что не ставит всех прочих. Это означает фактическое отрицание идентичности человека вообще как равного и свободного. Но тогда нужно признать, что метапринцип автономии не является универсальным даже применительно к социуму Запада. Исчезают легитимные нравственные и правовые основания применения военной силы в отношении обществ, живущих на иных, не западных основаниях. В связи с этим правомерно поставить вопрос: как следует относиться к основополагающей стратегии жизни стран Востока?

С позиций исторических культур Востока представление о тождестве и взаимной «понятности» личностей как с рождения равных и свободных граждан – это исходное и наиболее грубое заблуждение. Человек как человек с самого начала проходит стадии ста-

¹³ См.: Катков М.Н. Собр. соч. Т. 4. Философские чтения. – СПб., 2011. – С. 178.

новления и самоформирования, постижения своей сущности. В этом процессе личности не равны. Они не могут быть равными в силу того, что даже высшую стадию самоформирования нельзя принять за окончательную истину. Между тем достижение истины происходит в течение всей жизни человека или даже многих его жизней.

Изначальное равенство идентичности всех и каждого это правовой постулат западного мышления, но к реальной нетождественности людей они отношении не имеют. Можем ли мы просто отбросить как ложные те законы, по которым традиционно строится жизнь цивилизаций Востока?

Давали ли для себя ответ на этот вопрос Джон Маккейн, Барак Обама и Хиллари Клинтон? Судить об этом сложно. Но в их политических позициях явно отсутствует рефлексия относительно цивилизационной специфики народов современного мира. Именно поэтому их универсализм принципиально не отличается от универсализма Дж. Буша, который породил угрозу превращения оккупированного Ирака в «черную дыру» американской экономики.

Исторический опыт свидетельствует о том, что правила общественной игры могут быть различными. Они формируются на основе цивилизационных традиций. Кто должен определять, какая традиция лучше? Например, в Великобритании преимуществом в наследовании королевской власти пользовались мужчины. Однако в 2011 г. было признано равенство женщины с мужчиной в наследовании королевской власти. Так заложено начало новой традиции. Но почему она лучше старой? Кто имеет право окончательного решения этого вопроса? Как бы отнеслись британцы к утверждению, что истиной по этому вопросу владеет японская монархия и только она одна? А почему бы и нет? Присвоение себе исключительного права на установление правил общественной игры не демократично в своей сущности.

Именно поэтому остается неясным, как Соединенные Штаты под флагом демократии собираются вести другие нации в решении глобальных проблем? Как XXI век может завершить проверку американского глобального руководства демократией, если уже в начале этого века выявляется внутреннее противоречие между концепцией самодержавной демократии, предполагающей лидерство одной сверхдержавы, и принципами космополитической демократии, не допускающей единоличного управления? Какая же демократия является истинной? Или же единственной истинной демократии вообще не существует? Но тогда как может существовать эпистемологическое основание для единого глобального руководства современным миром?

Если его не существует, то будет стратегической ошибкой игнорировать цивилизационное многообразие, несущее в себе свои специфические истины. Эти истины формируются исторически, образуя единство качеств народа как цивилизационного субъекта и тех обстоятельств, в которых протекает его жизнь.

Можно провести определенную аналогию между постижением народом своей цивилизационной истины и постижением личностью истины своего бытия. Человек, осмысленно проходящий определенные стадии своего самосовершенствования, начинает отдавать себе отчет в том, что достижение полного совершенства – это не просто длительный, а по сути дела бесконечный процесс.

Та константная определенность, которая приписывается человеку отцами-основателями, если ее воспринимать буквально, может становиться истоком злключений стратегического мышления. Характерно, что Дэвид Хелд вынужден признать, что метапринцип автономии был более твердо защищен, когда был помещен в контекст гражданственности, т.е. тот ограниченный контекст, в котором автономность обусловлена характером гражданского общества, возникшего в эпоху модерна. А это значит, что она имеет исторические границы. В защите нуждается тот, кто не способен участвовать и действовать внутри этого общества.

Стало быть, принципы «космополитической демократии» могут действовать эффективно лишь внутри единой, очерченной территориально общности¹⁴.

Д. Хелд, однако, считает, что принципы «космополитической демократии» все же можно считать универсальными, если признать приверженность всех людей к идее, что все личности должны быть в равной степени свободными, т.е. они должны испытывать чувство радости от состояния равной свободы. Но как можно определить приверженность всех людей к состоянию равной свободы, если иметь в виду людей прошлого и будущего, которых уже нельзя или еще нельзя опросить? Но ведь и всех живущих людей пока никто не опросил по этому вопросу.

Гипотеза, согласно которой каждый человек хотел бы заниматься собственной деятельностью без посредников и нежелательного вмешательства, кажется правдоподобной. Однако остается неясным, существуют ли возрастные, гендерные, профессиональные различия в определении прав и обязанностей людей в семейных, производственных, социальных и политических структурах. Без прояснения этих аспектов проблемы трудно дать однозначное определение универсального смысла метапринципа автономии, а вместе с тем и «космополитической демократии».

Проверка универсальности предлагаемых принципов видится в «мышлении с точки зрения других». То есть необходима концептуализация беспристрастной моральной точки зрения, с которой можно оценивать и корректировать частные формы практического мышления. Беспристрастную позицию должен занимать арбитражный суд. Но справедливо замечают при этом, что такой арбитражный суд возможен лишь в том случае, если внутри него самого отсутствуют и представители индивидуальных групп и стран, имеющих свои особые идеологические позиции и интересы. Практика действия современных международных судебных заседаний со всей очевидностью показывает, что такая ситуация возможна лишь в исключительных случаях. Как правило, в принципах, которым придается универсальный смысл, реализуется конкретный частный интерес доминирующих политических альянсов.

Д. Хелд, однако, считает, что метапринцип беспристрастного мышления (metaprinciple of impartialist Reasoning – MPIR) открывает путь моральной перспективе, которая может служить тем прибором, который сфокусирует наши мысли и наши поступки в направлении интересубъективной ценности понимания общего блага. Это путь использования принципов, норм и правил, который может давать разумную команду к достижению согласия всех. Однако, как кажется, в философских дилеммах уже заключается невозможность добровольного согласия всех. Если «согласие всех» мыслится как утверждение доминирующего влияния в мире самодержавной или космополитической демократии, то нас ожидает новая эра сопротивления и борьбы за сохранение или восстановление планетарной демократии.

5. Возможно ли сохранение планетарной демократии?

Если с философской точки зрения не существует оснований реконструкции планетарной демократии, то это значит, что ее главный мотив опосредован экономическими и политическими интересами. С точки зрения социальных реалий сохранение планетарной демократии это, прежде всего, проблема экономического влияния. Если Соединенные Штаты и Западная Европа будут наращивать свое экономическое превосходство в мире, то будут укрепляться и глобальные позиции самодержавной и космополитической демократии. Вместе с тем будет происходить процесс цивилизационной унификации, эрозии социальной почвы цивилизационного многообразия.

¹⁴ См.: Theory, Culture and Society. London. New Delhi. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 117.

Ситуация тотального наступления потребительского общества, обеспечивающего универсальный процесс производства и потребления товаров для глобальных рынков, создает необходимые условия постоянного роста прибылей транснациональных корпораций, охвативших мир своими производственными, коммуникационными и информационными связями.

С утверждением глобальной функции транснационального субъекта возникает потребность в универсальной культуре, противостоящей исторически сложившимся уникальным культурам, формирующим базисные основания нравственных, эстетических и философских представлений, а значит, и образов жизни. Это обостряет диалог вокруг глобальной демократии как порядка взаимодействия культур равноправных суверенных государств. Вместе с тем встает вопрос о месте и функциях локальных цивилизаций в контексте процессов глобализации и тенденций рождения универсального цивилизационного субъекта. Означает ли глобализация наступление переходного периода к мировому порядку, вытесняющему систему равноправных суверенных государств и локальных цивилизаций? Можно ли считать транснациональные корпорации социально-экономическим базисом универсального субъекта, обладающего правом отрицать истину жизни суверенных государств и локальных цивилизаций? Такого признанного международным сообществом права не существует. Отсутствие юридических и нравственных оснований такого права требует его присвоения путем наращивания и консолидации военной мощи, которая не только в действии, но и потенциально должна нейтрализовать любую самостоятельную оппозиционную силу. Для этого и необходима разработка стратегии создания военно-технической инфраструктуры соответствующей требованиям решения этой задачи. Как сделать этот процесс психологически приемлемым? Его можно сделать приемлемым в том случае, если «опустить» систему существующих человеческих отношений до уровня взаимодействия биологических видов.

Когда на поверхность цивилизационной жизни выводится единая природная сущность межэтнических и межрасовых отношений и позиционируется как приоритетная, то возникает представление, что этой сущности соответствует лишь «культура выживания». Эта «культура» делает применение силы естественным и «легитимным», поскольку теряют силу общепринятые, выработанные историей цивилизации нормы человеческих отношений. Приоритет силы в решении глобальных проблем с позиций этой «культуры» начинает отождествляться с реальным, а не иллюзорным механизмом достижения цивилизационной истины.

Известный афоризм «не в силе Бог, а в правде» переворачивается с ног на голову: «не в правде Бог, а в силе». Это представление начинает влиять на характер международных решений, на оценки агрессивных и деструктивных действий, на возникновение умышленной дезинформации при интерпретации событий, на принятие решений международными судами.

Шаг за шагом складывается унилатеризм мировой политики. В этом контексте стремятся не к истинной беспристрастности в решении международных споров, а к имитации беспристрастности, которая становится своего рода правилом международной жизни.

Для имитации беспристрастности нужно вытеснить из международного дискурса реальный диалог, диалог между суверенными субъектами, приходящими в результате диалога к согласию. Теперь в добровольном согласии нет необходимости. Превосходство силы заставляет всех быть «согласными» с реальным или потенциальным победителем. Победа — это успех, а успех — это свидетельство истины. Значит, победитель — это носитель истины.

Монопольным и постоянным обладателем «истины» становится самый сильный в современном мире. Эта «логика» выносит за скобки возможность высказывать свою действительную истину носителями ценностей локальных цивилизаций. Но действительная истина не исчезает, а ждет возможности своего проявления.

Аналогичная ситуация складывается в отношениях между самодержавной и космополитической демократиями.

Обе демократии ориентируются на свой образец как имеющий универсальный смысл. Утверждение этого смысла всеми доступными средствами считается благородной нравственной и правовой задачей, определяющей глобальную функцию избранных.

Но кем они избраны? По сути дела они избирают сами себя на выполнение глобальной миссии. Д. Хелд убежден в том, что соединение метапринципов беспристрастного мышления и автономии создает эпистемологическое основание общего согласия на основе космополитического мышления¹⁵.

Такое соединение, однако, вступает в очевидное противоречие с исходным основанием идеи Мировой лиги демократий, которая возникает как реакция на отсутствие всеобщего согласия и на принципиальную невозможность его достижения.

Мировая лига демократий признана сделать универсальными цели и интересы не всех цивилизационных субъектов, а эксклюзивной группы стран.

В этом призвании и возникает возможность соединения позиций Мировой лиги демократий с «космополитической демократией». Их миссия может выполняться в двух практических формах: в форме прямого давления с применением вооруженных сил либо в форме убеждения, задача которого – привнесение «истины» в профанное сознание «непосвященных», доказательство того, что выгоднее признать эту «истину», чем не признать ее. Дэвид Хелд считает, что диалог с другими цивилизациями возможен, но лишь постольку, поскольку они заявляют о своем стремлении выполнять определенные условия, а именно – уважать автономию каждой личности, моральное достоинство всех, признавать сохранение согласия и публичной демократической жизни.

Но разве может демократия выдержать автономию каждой личности и моральное достоинство всех, если, например, личность начинает отстаивать позиции расизма и политическую практику терроризма, если диапазон автономии личностей может начинаться с Франклина Делано Рузвельта, а завершаться Аль Капоне?

Как можно выставлять условия другим цивилизациям, если эти условия невозможно соблюдать самим? Это возможно лишь в том случае, если собственная позиция полагается эксклюзивной, не подверженной критическому обсуждению. Если мы выдвигаем требование уважать автономию каждой личности, то тем более принципы демократии должны требовать уважения автономии каждого цивилизационного субъекта, представленного в форме суверенного государства. Глобальная демократия как раз и возникла на этом принципиальном основании.

В родившейся после Второй мировой войны ситуации глобальной демократии различные цивилизационные голоса стали восприниматься как сами по себе аутентичные.

Существует ли в реальной жизни идеальный образец, имеющий не локальный, а универсальный смысл, позволяющий точно определить, какие аутентичные цивилизационные голоса народов попадают в число признанных. И можно ли создать ту шкалу, которая станет средством для интегрального заключения о «подлинности» или «неподлинности» устройства жизни в той или иной стране? Эта проблема исторически возникала постоянно. И Восток, и Запад по-своему определяли признаки «неверных» и вели против них «священную войну». Мы со своих просвещенных позиций видим необъективность кровавых жертв религиозных войн исторического прошлого. Но не вступает ли демократический мир сегодня на тропу новой «священной войны»? Такие вопросы неизбежно встают, если цивилизационная аутентичность выносится за пределы смысла демократии, распространение которой в гло-

¹⁵ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory Culture and Society. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 118.

бальных масштабах словесно определяется как безусловная и приоритетная задача и цель современной цивилизации. Но разве необходим механизм «глушения» голосов, которые, по оценкам носителей «подлинной» демократии, не совпадают с требованиями установленного «идеального образца»? «Аутентичность других голосов нельзя смешивать с природой и смыслом демократии»¹⁶, – считает Дэвид Хелд. Это значит, что стратегия демократии как международной политики с необходимостью порождает диктат. Если признать за истину этот тезис, то следует согласиться с оправданием неспровоцированной агрессии против суверенных государств, а значит, и с разрушением тех принципиальных оснований, на которых было воздвигнуто здание Организации Объединенных Наций.

Организация Объединенных Наций в этом случае может сохраняться как артефакт уходящей в прошлое эпохи. Это – эпоха доминирования суверенных государств и сохраняющегося на их почве цивилизационного многообразия. Цивилизационное многообразие диктует необходимость беспристрастности в отношении к позиции другого. И в этом случае истину нельзя считать атрибутом лишь одной формы цивилизационной идентичности.

Ответ на этот вопрос предвосхищает судьбу локальных цивилизаций: могут ли они считаться «полноценными» или в них заключена «неполноценность», обрекающая их на исчезновение в структуре новой демократии?

Локальная цивилизация в «снятом» виде несет в своей традиции многовековую истину своего бытия. Как мы относимся к этой истине со специфической «высоты» своего цивилизационного положения? Ведь мы имеем свою историю, свои традиции и знаем свою истину бытия. И если эта истина нашего бытия лежит в нашей традиции, то как мы должны относиться к другим цивилизационным голосам? Адаптировать к общему цивилизационному многоголосию или «заглушать» как проявление диссонанса с нашим прекрасным цивилизационным «соло»? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо прояснение гносеологической ситуации, породившей подмену истины ее силовым суррогатом.

Как представляется, Хейкки Патомеки делает шаг в этом направлении. Он считает, что вопрос об истине или более общий вопрос о ценности любого утверждения не может быть решен только на основе идентичности говорящего или пишущего. «Скорее, – считает он, – в различных транскультурных глобальных диалогах мы должны стремиться быть настолько беспристрастными, насколько это возможно»¹⁷.

С онтологической точки зрения мы вступаем в диалог как уже сформированные, сложные, взаимосвязанные системы, чья способность к транскультурным суждениям и к научению уже структурирована нашим геоисторическим опытом. Из колониализма, отмечает Х. Патомеки, мы знаем, что может означать априорное утверждение превосходства западного понимания и западных политических теорий¹⁸.

Возникает метатеоретическая форма фундаментализма, которая и становится основой понимания безопасности. Эта основа уже не поддается обсуждению. В итоге сердцевина верований политической морали образует замкнутую в себе систему.

Как носитель этой системы может считать себя носителем беспристрастности? Для этого он формирует в себе самом внутреннее «другое я», бестелесное существо, с которым становится возможным убеждающий диалог. Здесь «другое я» закрывает глаза на провалы в аргументации и приводит свои доводы, позволяющие избежать реального диалога с конкретным другим, в отношении которого приходится нарушать универсальные моральные нормы.

¹⁶ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory Culture and Society. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 119.

¹⁷ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory Culture and Society. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 119.

¹⁸ Ibid.

Имитация беспристрастности позволяет сохранять и видимость честности, и нравственный пафос в отстаивании несправедливых позиций. Так возникает раскол между миром беспристрастности универсальной морали и реальным миром биополитических детерминант политики, облакаемых в форму нравственных абстракций и правовых категорий. Как оценивать этот раскол? Является ли он признаком эрозии совести и отсутствия нравственных страданий в осуществлении задуманных эгоистических решений глобальной политики? Или он, как считает Х. Патомеки, является признаком «несчастливого сознания», которое неспособно решать моральные проблемы реального мира? Очевидно, что ответ на эти вопросы лежит в закрытых от посторонних взглядов особенностях индивидуальной морали.

С точки зрения социальной можно констатировать, что отсутствие равновесия сил благоприятствует формированию замкнутой системы политической морали, в которой игнорируется реальность правды в нравственной позиции конкретного другого. Исходным нравственным основанием «беспристрастности» в применении силы становится «культурное насилие», наложение на цивилизационное многообразие современного мира схематизма «избранных» и «неизбранных», «своих» и «чужих». Такое «культурное насилие» воспринимается в качестве духовного основания использования военной силы для «исправления» «неправильного» образа жизни и поведения» представителей иных цивилизаций. В итоге получается, что и с точки зрения культуры, и с этической точки зрения замкнутые системы политической морали могут заключать в себе право на насилие¹⁹. Именно поэтому Х. Патомеки, будучи европейцем, протестует против евроцентризма в модели «космополитической демократии». Он считает, что эта модель является рецептом и в конечном счете реальным потенциалом для глобальных демократических войн как проявления империализма.

С этим трудно не согласиться. Прежние модели европоцентризма как оправдания империалистической политики пришли в явное противоречие с реалиями современной глобальной жизни.

Концепции самодержавной и космополитической демократии, «вытесняя» принципы глобальной демократии, не предлагают позитивного решения вставших перед человечеством проблем. Путь экономического и политического давления и использования вооруженной силы заводит в тупик цивилизационный прогресс, оставляя за собой цивилизационные развалины и нарастающие волны терроризма. И не случайно вставшие перед человечеством экологические, энергетические, сырьевые, продовольственные, демографические и климатические проблемы находят свое решение на основе общих принципов международной жизни суверенных государств и путем формирования все более широких общественных движений, выдвигающих требования охраны окружающей среды, спасения фауны и флоры, ограничения производственных механизмов негативного влияния на климат планеты.

Все более заметную роль в формировании общественного климата играет международное взаимодействие представителей научного сообщества, проведение представительных международных конференций, вырабатывающих научно обоснованные практические рекомендации в определении эффективных подходов к решению назревших общечеловеческих проблем. Речь идет о создании необходимых условий сохранения жизни на планете Земля. Для решения этой глобальной задачи становится правилом соединение усилий государств в преодолении последствий технических и естественных катастроф.

Возникает все более глубокое осознание того факта, что правильное использование цивилизационного многообразия – это не препятствие, а средство нахождения возможных нестандартных решений в возникающих нестандартных ситуациях. Процессы глобализации требуют научения слушать друг друга. Глобальный субъект становится плюралистичным по своему характеру. Так, например, кто владеет ситуацией в дельте Амазонки, от сохранения

¹⁹ См.: Galfang J. «Cultural Violence» // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. N 3. P. 291–305.

лесов которой зависит нормальная работа «легких» всей планеты, тот превращается в глобального субъекта. Но в современном взаимозависимом мире такие глобальные субъекты возникают всюду, во всех ключевых регионах планеты. Современная ситуация объективно выдвигает новые требования организации мирового экономического и торгового режима, финансовых реформ, создающих благоприятные условия для утверждения новых типов технологий, направленных на распространение чистых производств, экономное использование природных ресурсов. Это должно стать реальной стратегической целью промышленного и сельскохозяйственного производства, а вместе с тем изменения его стимулов и смысла экономической политики.

Изменяется и характер политических стратегий.

Очевидно, что решение современных проблем невозможно без формирования глобального политического движения, состоящего как из гражданских представителей, так и представителей суверенных государств.

Х. Патомеки отчетливо видит формирование новых запросов цивилизационной эволюции современного мира и выступает за культивирование демократического плюрализма, новые установления которого будут укреплять основу реформ в различных сферах, в том числе и в сфере политики. Эта стратегия, считает Х. Патомеки, осмысливается в открытых процессуальных понятиях, а не в замкнутой модели. Эти реформы можно осуществить мирным и демократическим путем, вопреки сопротивлению некоторых великих держав, многонациональных корпораций и финансовых институтов.

Эти набирающие силу тенденции современной цивилизационной эволюции не соответствуют установкам самодержавной и космополитической демократии. Этим установкам усилиями информационных технологий и спецслужб придавался идеализированный облик, разукрашенный воздушный шар, указывающий всему человечеству путь к райским небесам. Однако в оболочке этого шара возникли «проколы», которые трудно «залатать».

Применение пыток, бомбардировки мирных поселений с многочисленными человеческими жертвами, организация убийств лидеров суверенных государств, поощрение внутренних гражданских войн и даже участие в них на какой-то одной стороне – все это несколько портит тот имидж, который в свое время покорила сердца сторонников «новой демократии» новейшего западного образца. Получивший серьезные проколы лакированный воздушный шар «схлопнулся» и стал утрачивать свою первозданную красоту. В различных странах гибнет идол мечты поклонников. Они переживают и, возможно, даже плачут, хотя не так открыто, как плачут в Северной Корее фанатичные поклонники ушедшего из жизни Ким Чен Ира. Но, думается, не менее искренно. Можно надеяться, что это станет процессом отрезвления и духовного самоочищения, позволяющего осознать, что глобальный цивилизационный субъект сегодня – не наряженная фигура голиафа, держащего в своих руках «большую дубинку», а единство многообразия суверенных государственных и гражданских субъектов, охватывающих межэтнические и межрасовые, межличностные, языковые и духовные сферы жизни цивилизаций. Проблема управления современными тенденциями глобального развития, их упорядочения и направления в позитивное созидательное русло напоминает формирующееся и развивающееся многоголосие оркестра, где каждый инструмент со своей спецификой исполняет свою мелодию, которая в слиянии со всеми другими мелодиями позволяет формировать действительную гармонию героической симфонии глобального самоуправления стран и народов современного мира.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Михаил Горшков, член-корреспондент РАН, директор Института социологии РАН

В конце декабря 2011 г. – начале 2012 г. исполняется 20 лет с того момента, когда Российская Федерация, сразу после распада СССР, приступила к проведению радикальных реформ, коснувшихся в первую очередь экономики, но затронувших также и все остальные сферы жизни общества. Точную дату старта этих реформ назвать достаточно сложно. Можно вспомнить четыре события, ознаменовавших их начало:

- подавление «путча» ГКЧП в конце августа 1991 г., что привело к фактическому развалу Союза, параличу союзных органов власти и переходу практически всей полноты ответственности к «суверенному!» руководству РФ;

- Пятый съезд народных депутатов РФ, состоявшийся в конце октября – начале декабря 1991 г., одоббивший планы радикального реформирования страны и давший Президенту РФ Б. Ельцину чрезвычайные полномочия для реализации этих планов;

- формирование «правительства реформ» с экономическим блоком во главе с Е. Гайдара в середине ноября 1991 г.;

- либерализация цен в начале января 1992 г., ознаменовавшая переход к рынку.

Экономические реформы наряду с распадом СССР стали самым важным, знаковым событием новейшей российской истории, на многие годы определившим траекторию ее развития. И сегодня, спустя 20 лет, не прекращаются споры о необходимости этих реформ, их причинах и последствиях.

Уже ушли из жизни главные их инициаторы – Б. Ельцин и Е. Гайдар, но и сегодня обсуждение их политического наследия продолжает волновать как значительную часть общества, так и элиты, особенно в контексте современной эпохи, в чем-то наследующей курс, проложенный реформаторами, а в чем-то противоположной ему. Не случайно одна часть общества, и особенно генерация либеральных политиков начала 1990-х, критикует нынешние власти, обвиняя их в отказе от наследия реформ Ельцина–Гайдара, прежде всего, от принципов политической демократии и экономических свобод. Другая часть населения и политического класса, напротив, убеждена, что именно сохранение следования нынешнего курса реформам 1990-х, в первую очередь «олигархическая» форма власти, является главной проблемой и тормозом развития страны. Однако не следует забывать, что действия и поступки реформаторов часто носили спонтанный характер и были во многом вынужденными в условиях тотального системного кризиса в агонизирующем СССР, когда времени на поиск более «щадящих», постепенных путей реформирования уже не оставалось. В то же время массовое сознание склонно забывать исторический контекст, многое мифологизировать, упрощать.

И это вполне естественно, учитывая, что в сжатые сроки менялось практически все: экономический и политический строй, власть, привычный уклад жизни и т.д. Тем важнее оглянуться на события 20-летней давности, посмотреть на них глазами современных поколений россиян. Также чрезвычайно важным представляется проанализировать то, как эти перемены сказались на жизни наших сограждан, их социальном и материальном благополучии, возможностях самореализации, эволюции их мировоззренческих установок, национальной самоидентификации, взглядов на окружающий мир, роль и место в жизни общества государства, демократических институтов и норм и т.д.

С целью выявления восприятия россиянами опыта реформирования экономической, социальной и политической жизни общества за последние 20 лет, тех сдвигов, которые про-

изошли в самом обществе за эти годы, в апреле 2011 г. Институт социологии РАН провел общероссийское социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян». Вместе с тем эмпирической базой настоящего исследования послужили результаты исследования, проведенного ИС РАН в 2001 г. «Новая Россия: десять лет реформ». Поскольку исследования осуществлялись по однотипной модели, в настоящем докладе имелась возможность проведения сопоставительного анализа, раскрывающего не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ. Речь идет о двух периодах в жизни страны: 1990-х и 2000-х годов.

Итак, можно говорить о следующих основных выводах вышеупомянутых исследований.

1. Посткоммунистическая трансформация России, включая экономические реформы Ельцина–Гайдара, поначалу была позитивно воспринята обществом. В первую очередь это было связано с высоким уровнем ожиданий и доверия к Б. Ельцину в тот период. Однако уже вскоре сторонники реформ оказались в меньшинстве. Позитивное к ним отношение сегодня высказывают чуть более трети опрошенных (34 %), а десять лет назад их было еще меньше (28 %). В то же время молодая активная часть населения начинает чувствовать взаимосвязь между собственными достижениями и реформами 90-х. В целом же исследование показало, что острота отрицательного отношения к ним постепенно ослабевает, сменяясь сожалением об упущенных в 1990-е годы возможностях. Большинство россиян (около 70 % опрошенных) не склонны соглашаться с точкой зрения инициаторов реформ о безальтернативности предпринятых в начале 90-х мер, обусловленных глубиной экономического и политического кризиса. Истинная цель реформ, по мнению большинства, состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности. Именно этими целями во многом объясняется и свертыwanie возможностей влияния общества на принятие политических решений. Точку зрения реформаторов разделяют те группы россиян, которым удалось повысить свой материальный уровень и социальный статус и для которых результат реформ – важнее их изначальных целей.

2. Реформы 1990-х, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны как в экономике, так и в политике и социальной сфере. Определенная часть населения склонна видеть «плюсы» в процессах, связанных с демократизацией, свободой слова, правами человека. Лишь корректировка курса реформ, связанная с именем В. Путина, привела к смене однозначно негативного тренда 90-х годов. Прежде всего, это относится к экономике, уровню жизни населения и особенно внешней политике. В то же время фиксируется нарастание в 2000-е годы негатива, связанного с ростом коррупции, бюрократического засилья, а также деградации социальной сферы. Наряду с этим идет постепенное, хотя и не ярко выраженное, переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ в общезначимом и личном аспектах. На передний план заметно чаще, чем десять лет назад, выходят достижения, связанные с формированием в России «общества потребления» (некоторый рост благосостояния, насыщение рынка товарами и уход в прошлое экономики дефицита, свобода выезда за рубеж). Напротив, респонденты гораздо реже отмечают значимость обретенных в начале 1990-х годов демократических прав и свобод. Когда речь идет о приобретениях и потерях в личном плане, то здесь респонденты отметили, что, с одной стороны, реформы открыли новые возможности для самореализации, профессионального и карьерного роста, занятия предпринимательской деятельностью, участия в общественно-политической жизни. Но с другой стороны, по мнению большинства респондентов, «освоить» эти возможности смог сравнительно узкий круг людей, в то время как для многих россиян они остались либо труднодостижимыми, либо даже сократились.

3. Два десятилетия, прошедшие с начала реформ 90-х, оказались богатыми на знаковые для страны события, большая часть которых была воспринята обществом неоднозначно. В отношении событий 90-х годов преобладают негативные оценки. Это касается распада СССР, силового разгона Верховного Совета РФ в 1993 г., войны в Чечне, приватизации государственной собственности в середине 90-х, экономического кризиса, приведшего к дефолту в 1998 г. «Особое», скорее, позитивное мнение о многих из этих событий имеют сторонники либеральных взглядов, которые, впрочем, составляют незначительную часть населения страны. Основные «вехи» первого десятилетия XXI в. воспринимаются менее конфронтационно. Хотя к таким событиям, как монетизация льгот, зажим СМИ, к действиям российских властей в период кризиса 2008–2009 гг., достаточно большое число россиян относится скорее со знаком «минус».

4. Лидеры страны (СССР и России) 1990-х годов – М. Горбачёв и Б. Ельцин – продолжают восприниматься большинством общества негативно (кроме части общества, придерживающейся либеральных взглядов), а последующего десятилетия – В. Путин и Д. Медведев – напротив, позитивно, причем всеми группами общества, в чуть меньшей степени – пожилыми россиянами, сторонниками коммунистических взглядов. Исследование показало, что за последние десять лет рейтинг В. Путина не только не снизился, а вырос. Что касается Д. Медведева, то его политика воспринимается как продолжение курса В. Путина.

5. Социально-психологическое состояние россиян все в меньшей степени детерминруется условиями микроуровня (возраст, доход, текущие жизненные проблемы) и все в большей степени начинает зависеть от факторов, связанных с их оценкой легитимности сложившейся в России модели социума. В целом социально-психологическое состояние россиян, с одной стороны, характеризуется стабилизацией положительно окрашенных чувств и надежд на улучшение ситуации в будущем, а с другой стороны – ростом распространенности чувства несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности. Естественным следствием этого выступает и быстрый рост среди россиян чувства агрессии.

Агрессивные умонастроения, порождаемые общей неудовлетворенностью сложившимся в России типом социума, вероятнее всего приобретут националистическую окраску и могут вызвать, в случае перехода от настроений к реальным действиям, серьезные столкновения на национальной почве. Учитывая скорость нарастания агрессивных чувств и пространственную локализацию их носителей, развитие событий по такому сценарию очень вероятно. Особо рискованной в этом отношении представляется ситуация в Москве.

6. Наибольшую тревогу у россиян вызывает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей. Однако если рассмотреть динамику отношения россиян к различным явлениям и процессам в жизни страны, которые кажутся им наиболее тревожными, то лидером является все же не «коммуналка», а проблема коррупции и засилья бюрократии. Причем наиболее значимым объективным фактором, влияющим на распространенность соответствующих тревог, выступает не столько принадлежность к той или иной социальной группе, сколько регион проживания. Это еще раз свидетельствует о глубокой неоднородности России в региональном разрезе. Если говорить не о тревогах россиян, а о тех проблемах, которые мешают им жить, стоит отметить низкую долю тех, кто считает, что живет нормально – это всего около четверти населения. Главными среди проблем выступают, прежде всего, низкий уровень жизни и отсутствие социальных гарантий по болезни, старости, безработице и инвалидности. Не случайно среди потерь, которые лично им принесли реформы последних десятилетий, безусловным лидером стала утрата уверенности в завтрашнем дне.

7. Исследование показало рост неудовлетворенности многих россиян своей жизнью на фоне некоторого улучшения их материального положения (рост среднедушевых доходов только за последний год примерно на 1,5 тыс. рублей на человека в месяц). Видимо, с

началом кризиса россияне признали необходимость «затянуть пояса», но рассчитывали, что страна извлечет из него уроки на будущее, или что он коснется всех в более-менее равной степени. Однако реальность оказалась иной – вся тяжесть кризиса оказалась, по мнению населения, возложена на рядовых граждан, а из острой фазы кризиса страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, прежде всего – со все усиливающейся коррупцией. Население ответило на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью, невзирая на стабилизацию своего материального положения. Обобщением россиянами своей личной ситуации в пореформенной России выступает их оценка собственного выигрыша или проигрыша от реформ двух последних десятилетий. Доля считающих себя выигравшими от них очень мала (всего 10 %) и в два с половиной раза меньше, чем доля считающих себя проигравшими. Еще около трети остались, что называется, «при своих» – не выиграли и не проиграли. Такова итоговая оценка, поставленная россиянами последним 20 годам истории нашей страны.

8. Судя по результатам исследования, изменения социального статуса россиян за последние 20 лет имели позитивную динамику. Однако быстрый рост социальных притязаний наших сограждан, обусловленный колоссальной и все углубляющейся социальной дифференциацией и нарастанием социального неравенства, сводит «на нет» достижения последних лет, так как разрыв между реальным и желаемым статусом для большинства россиян не только сохраняется, но и нарастает. Самооценки россиянами своих достижений в различных сферах жизни говорят о том, что относительно больше шансов на достижение успехов у них на микроуровне – в семье, сфере дружеского общения, досуговой сфере. Однако и в частной, приватной жизни им удается далеко не все. Многие не удовлетворены отсутствием возможностей заниматься любимым делом, дефицитом свободного времени. Еще хуже ситуация складывается с тем, что связано с местом россиян в макросоциуме. Сколько-нибудь массовыми можно считать лишь такие их достижения, как получение хорошего образования (которым могут похвастать, по самооценкам, 46 % опрошенных). Все остальные достижения (престижная работа, карьера, наличие собственного бизнеса и т.д.) характеризуют небольшую часть наших сограждан, хотя значимость их в системе ценностей населения страны растет.

9. Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан обусловлено в значительной степени сужением каналов социальной мобильности, в том числе и горизонтальной. Возможности самостоятельно, за счет смены места жительства, улучшить свое положение в обществе у россиян сегодня практически отсутствуют. Немногие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в села, а также горожан из крупных городов, переезжающих в города с меньшей численностью населения. Однако вектор внутрироссийской миграции носит обратный характер – большинство мигрантов едут в более крупные населенные пункты, чем те, в которых они выросли. Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населенный пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодежь хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13 % переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), все же характеризуется более низкими показателями мобильности, чем возрастные группы старше 40 лет в период их молодости. Это говорит о недоиспользованности потенциала мобильности российской молодежи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда в стране есть огромный внутренний ресурс перераспределения уже имеющейся в ней рабочей силы. Если же говорить о миграции из России, то потенциал ее очень велик и серьезно вырос за последние десять лет. Сегодня уже около половины населения страны хотели бы уехать из России с разными целями, причем в группе до 30 лет доля таковых еще больше. Навсегда хотели бы уехать 13 % россиян. Это

в два раза больше, чем десять лет назад. Еще 35 % готовы уехать за рубеж «на заработки». Желание более трети всех работающих россиян превратиться в гастарбайтеров – яркое проявление неблагополучия на российском рынке труда, позволяющее глубже понять причины недовольства наших сограждан сложившейся в стране ситуацией.

10. Помимо сдвигов в социально-экономических условиях жизни россиян существенные изменения претерпели и их мировоззренческие установки. Вместе с распадом СССР рухнула идеологическая гомогенность советского типа. Но на смену ей пришел не столько «положенный», согласно теории, плюрализм, сколько нарастающая хаотизация ментального пространства. У разных социальных и социально-демографических групп, равно как и у территориальных образований, не исключая очень мелкие, стали появляться совершенно обособленные интересы, а вместе с ними и собственные мини-идеологии. Однако к началу 2000-х годов появились идеи, которые могут претендовать на статус общезначимых. Это – единение народов России с целью ее возрождения как великой державы, укрепление правового государства и объединение усилий всех народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Обращает на себя внимание рост числа сторонников социалистических идеалов. Это значит, что распространение социалистических убеждений среди россиян связано уже не столько с сохраняющимся у части населения советским опытом, сколько с негативными сторонами жизни в современной России и накоплением жизненного опыта вообще.

Данные проводившегося на протяжении всего периода реформ социологического мониторинга показывают, что ценностные ориентации российского общества достаточно устойчивы. Причем в их палитре заметное место занимают ценности свободы, справедливости, понимаемой как равенство возможностей, труда, патриотизма. Безусловно, новые образы и идеи, которые очень активно продвигались реформаторами в информационное пространство, повлияли на массовое сознание, в особенности на молодежь. Однако это влияние выразилось лишь в некоторых колебаниях «ценностной кардиограммы», не меняющих общую иерархию ценностей и распределение в обществе ценностных предпочтений различного типа. При наличии общего «ценностного консенсуса» различных поколений (существующего несмотря на некоторые возрастные особенности тех или иных групп, в частности традиционные для молодежи оптимизм и амбициозность) пореформенная молодежь в существенно меньшей степени демонстрирует конформистские жизненные установки. Поэтому в прошедших за последние 20 лет реформах она видит больше плюсов, чем остальное население, и главные из этих плюсов для нее – появление возможностей для самовыражения и построения карьеры. В структуре мировоззренческих установок россиян особое место занимает восприятие ими роли государства. Соглашаясь с тем, что она должна быть ключевой не только в экономической, но и в социальной сфере, население не готово поддерживать ни либеральные модели социальной политики, при которых вмешательство государства в социальную сферу минимально; ни свободную рыночную экономику, при которой все зависит от частных акторов. В социальной сфере как оптимальная в представлениях населения в последние годы преобладает модель, при которой государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального каждый добывается сам. Однако симптоматичным представляется рост поддержки модели социального равенства, обеспечиваемого государством, который наблюдается в обществе в последние годы. Возможно, частично он связан с ростом запроса на равенство перед законом, правовое равенство и равенство возможностей для всего населения. В основе оптимальной экономической модели страны, по мнению россиян, должна быть смешанная экономика с ведущим государственным сектором. Все стратегические отрасли экономики должны быть под контролем государства, а частное управление теми или иными организациями должно обязательно совмещаться с государственным контролем за ними. Представления россиян о роли государства в социальной и экономиче-

ской сферах дифференцируются в зависимости от их возраста, уровня образования, типа поселения и других факторов. Однако запрос на ведущую роль государства в этих сферах все же является преобладающим практически во всех группах населения – различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли.

12. Что же касается отношения россиян к демократическим ценностям и институтам, то его можно охарактеризовать как «благожелательный скептицизм», т.е. благожелательное отношение к самой идее демократии как оптимальной форме организации общественной жизни и крайне скептическое, а иногда и негативное отношение к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т.п.). Уровень интереса большинства россиян к политической жизни страны по-прежнему низок. Однако есть симптомы, свидетельствующие о некотором оживлении общественной активности, главным образом на локальном уровне. Косвенно это подтверждает тот факт, что сегодня востребованность инструментального потенциала демократии (акции прямого действия: митинги, демонстрации, забастовки, обращения в суд, в СМИ и т.п.) заметно превосходит показатели десятилетней давности.

13. В декабре 2011 г. исполняется 20 лет с того дня, когда прекратил свое существование Советский Союз. Россияне не склонны представлять себе СССР ни в виде демонической «империи зла», ни в романтическом образе «первопроходца» или тем более «весны человечества» (как выразился когда-то Маяковский). Преобладают же в обществе не геополитические и идеологические оценки, а взгляд сквозь призму человеческих судеб. В этом плане распад СССР чаще всего воспринимается как общая беда миллионов людей, живущих в республиках бывшей союзной державы. В такой оценке солидарны и бедные, и богатые, и молодые, и пожилые россияне. Рост патриотических унастроений привел к переосмыслению в массовом сознании вопроса не только о своеобразии России, но и о ее роли и месте в мире. Решающим фактором, определяющим отношение «среднего» российского гражданина к международной политике, различным странам мира, являются не эмоционально окрашенные идеологические мотивы, какими руководствовалось общество в начале 90-х годов прошлого века, а прежде всего соображения безопасности. Среди главных угроз современной России респонденты называют международный терроризм и мировой экономический кризис. Охлаждение россиян к большинству стран Запада в период войны с Грузией носило краткосрочный характер и к настоящему времени практически преодолено. За исключением США, отношение к которым по-прежнему негативное.

14. Распад СССР, помимо новых представлений о месте России в мире, дал толчок к формированию новой российской идентичности. К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространенной (ее отметили 95 % опрошенных) среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее сильным, оно выросло вдвое. При этом 90 % населения по-прежнему сохраняет идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60 %, а с российскими гражданами – 72 %. При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость. Казалось бы, подобные данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Но важны основания интегрированности. Исследование показало, что солидаризация в немалой мере основана на обидах. Свыше 60 % респондентов присоединились к мнению: «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64 против 44 % соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших Союзных республик, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим. За 20 лет реформ

эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. То, что государство – общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ, остается наиболее распространенным мнением. Но с каждым годом оно становится все менее поддерживаемым. В 90-е годы это было мнение очевидного большинства (65 %), а в 2000-е годы – только половины россиян (47 %).

15. Данные проведенного исследования рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, а 68 % откровенно признались, что испытывают раздражение по отношению к представителям других национальностей. Обнадешивает то, что около 90 % русских и нерусских считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». В то же время 41 % респондентов согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских такие настроения распространены не меньше, чем среди других национальностей (43 и 34 % соответственно). Это новая ситуация 2000-х годов. В 90-е годы подобные настроения намного чаще встречались именно у нерусских. Нынешние ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания. Растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но и заставляет задуматься о справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей.

16. Два десятилетия реформ стали серьезным испытанием для морально-нравственных устоев общества. После того как государство фактически сложило с себя роль морального «наставника», а другие общественные институты не смогли или не захотели на себя эту роль принять, россияне оказались перед свободным выбором морально-нравственных ориентиров. И многие сделали выбор в пользу отказа от лишнего «морального бремени», поскольку игнорирование традиционных моральных предписаний стало в ряде случаев экономически и социально выгодным. Естественно, это очень беспокоит многих наших сограждан. Каждый третий опрошенный ухудшение морального состояния общества оценил как одно из самых негативных явлений на протяжении двух десятилетий реформ. Несмотря на столь критичные оценки развития ситуации в сфере общественной морали, для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обычного поведения. Россияне декларируют приверженность традиционным нормам в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными (в их числе употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей, уклонение от налогов, дача взяток). Более того, сегодня актуальность большинства моральных норм заметно выше, нежели десять лет назад, и тем более – по сравнению с 1990-ми. В то же время исследования ИС РАН выявляют релятивизм опрошенных в отношении некоторых сфер, которые регулируются не законом, а только общественной моралью (например, сознательный обман для достижения корыстных целей). Кроме того, исследования фиксируют проявление сравнительно нового для России явления – мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам. Тем не менее сам факт обеспокоенности состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую многие россияне сегодня демонстрируют, – это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость.

17. Одна из немногих сфер, где действительно ощутил большой прогресс, – это сфера досуга. Несмотря на то что многие россияне ощущают дефицит свободного времени,

его проведение, судя по опросам, носит достаточно насыщенный, разнообразный характер. Все чаще его основу составляют различные внедомашние формы активности, направленные на общение, развлечения, саморазвитие. Большинство россиян (51 %) по-прежнему практикуют традиционные формы досуга, которые предполагают отдых на «домашней территории» либо общение в рамках ближнего круга (родственники, друзья) вне дома. Однако уже немало и тех (39 %), кто предпочитает активный внедомашний досуг с множеством развивающих, развлекающих, культурных, рекреационных, общественных компонентов. Основными факторами, определяющими качество досуга, а с ним и качество жизни в целом, являются материальная обеспеченность, социальный статус, место проживания. Люди с высокими самооценками материальной обеспеченности, стоящие на высших ступенях социальной лестницы, жители крупных городов проявляют выраженный интерес к своему свободному времени и насыщают его разнообразными формами активного досуга, направленного на культуру и саморазвитие, развлечения и спорт. Низкая же материальная обеспеченность и проживание в малых поселениях, особенно селах, снижают интерес и возможности людей в сфере досуга, обедняют и опрощают его. Одним из возможных факторов развития досуга – его содержательного наполнения и видового разнообразия – может стать пользование ПК и Интернетом. Исследование показало, что россияне, имеющие возможность ими пользоваться, проводят свое свободное время заметно более содержательно, чем остальные, чаще практикуют активный досуг, направленный на саморазвитие и культуру, на развлечения и спорт. С учетом того, что компьютеры и Интернет все увереннее входят в жизнь представителей самых разных групп и слоев населения (в том числе пожилых людей, плохо материально обеспеченных, живущих в небольших поселениях), можно предположить, что досуг россиян будет становиться все более разнообразным и насыщенным.

В заключительном разделе исследования, посвященном перспективам развития страны, особенно отчетливо выявилось неоднозначное, двойственное отношение россиян к нашему недавнему прошлому, настоящему и будущему. С одной стороны, большинство опрошенных (около 60 %) считают, что вектор развития, который был избран после крушения коммунизма, в целом верен; и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Хотя немало и тех (около 40 %), кто убежден, что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик. С другой стороны, больше половины опрошенных (54 %) полагают, что Россия, ее экономика потеряла динамизм, и отставание нашей страны от ведущих держав мира будет только нарастать.

В настоящий период лишь 17–18 % опрошенных верят в возможность того, что в течение ближайших 5–10 лет Россия войдет в число ведущих экономически развитых стран мира, станет страной развитой демократии. Отсюда некоторый рост сторонников перемен, более решительных мер по модернизации экономики, политической и социальной сфер. И это несмотря на то, что сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со значительным перевесом (57 % против 42 %). А вот среди молодежи поддержка идеи модернизационного прорыва выглядит уже достаточно выраженной. Пока это слабо проявляющаяся тенденция. Но как показывает исторический опыт, когда запрос на перемены начинает овладевать умами людей, причем в молодых и активных группах, подобный запрос, так или иначе, начинает пробивать себе дорогу.

«СоцИс: Социологические исследования», М., 2011 г., № 11, с. 3–11.

АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ВНУТРИРОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ

А. Глухова, политолог (Воронежский государственный университет)

Весна 2011 г. неожиданно ознаменовалась событиями, предвидеть которые не смогли даже самые искушенные аналитики. Ряд арабских стран Северной Африки, начиная с Туниса и заканчивая Ливией, неожиданно резко оказались дестабилизированы волной народных протестов против правящих политических режимов, имевших – несмотря на республиканскую (президентскую) систему правления – фактически наследственно – династический характер. Очередная демократическая волна, если пользоваться терминологией С. Хантингтона, со стремительностью политического цунами накрыла исламский мир, поставив перед аналитиками целый ряд непростых проблем. Первая из них состоит в следующем: как вписать эти события в логику третьей волны демократического транзита, начавшейся в середине 70-х годов прошлого века? Имеем ли мы дело с четвертой демократической волной или субволной в рамках единого трансформационного процесса? Или данная неожиданная волна имеет собственное, арабское происхождение и собственную уникальную природу? Последний вопрос корреспондирует с высказанной специалистами (в первую очередь, С. Хантингтоном) еще в начале 1990 г. версией о том, что демократический процесс не в состоянии преодолеть исламские бастионы по причине полного несовпадения ценностных оснований исламской и западной цивилизаций. Тем не менее демонстранты на площади Тахрир в Каире, как и на других столичных площадях арабских государств, требовали свободы слова, собраний, справедливости в распределении доходов, политического представительства и т.д., что вполне можно расценивать как демократические требования. Иными словами, демократические ветры достигли и границ исламского мира.

Логичен вопрос о том, каковы причины этих процессов. По всей видимости, мы имеем дело с комплексом причин, обусловивших своего рода кумулятивный эффект, пагубный для авторитарных правителей этого региона. Следует обратить особое внимание на институциональный контекст развертывавшихся процессов, каковым является характер политического режима. Применительно к рассматриваемым странам чаще других звучит определение «загнивающий полуавторитарный режим», автором которого является американская исследовательница М. Оттауэй. Еще в начале 2000-х годов она относила к этой группе стран Египет и Азербайджан (в отношении последнего сегодня все чаще звучат прогнозы по поводу аналогичных событий в недалеком будущем). Сам факт пребывания у власти на протяжении 30–40 лет и твердое намерение передать ее в руки наследников свидетельствует о безраздельной самоуверенности действовавших правителей, что вкупе с коррупцией, невиданным личным обогащением привело к взрыву народного недовольства.

Вместе с тем наряду с политическим фактором существуют и другие глубинные основания возникших макроконфликтов, в частности экономические факторы. В последние полвека и особенно в два-три последних десятилетия арабы переживали кризис, продолжающийся и сегодня. Причины этого кризиса многоплановы: война с Израилем, усиление влияния религиозных экстремистов, растущая социальная несправедливость, особенно на фоне коррупции многих властных структур и их стремления подавить инакомыслие, а также увеличивающаяся разница между богатыми и бедными. Темпы экономического развития большинства из 22 стран – членов Лиги арабских государств серьезно замедлились и оказались самыми низкими на планете. Практически треть населения на Арабском Востоке неграмотны и почти столько же живет не более чем на 2 долл. в день. Отставание арабского мира особенно заметно на фоне хозяйственных успехов стран Восточной и Юго-Восточной

Азии, которые, стартовав с примерно равных позиций, ныне оставили арабов далеко позади себя. И это несмотря на тот факт, что именно на Ближний Восток приходится почти 2/3 запасов энергоносителей и себестоимость добычи черного золота здесь практически на порядок ниже, чем, скажем, в России.

Ситуативные причины: в их числе серьезные социальные проблемы, возникшие вследствие мирового финансово-экономического кризиса, в первую очередь безработица, ударившая не только по беднейшим слоям населения, но и по благополучному среднему классу – служащим банков, госучреждений и т.д. Особенно болезненно эти испытания были восприняты молодежью, для которой разом закрылись возможности профессионального роста, восходящей мобильности и т.д. Не случайно именно молодежь («фейсбукская молодежь», по определению некоторых наблюдателей), стала главной движущей силой протестных движений.

Стоит сказать и о том, что демографический фактор, т.е. нарастание в социальной структуре населения удельного веса молодых людей, давно привлекает к себе внимание исследователей. Изменения в демографическом балансе населения рассматриваются как фактор не только внутренней, но и международной политики. Численный рост одной группы порождает политическое, экономическое и социальное давление на другие группы и вызывает ответное противодействие. Что еще более важно, это вызывает военное давление на демографически менее динамичные группы. Так, на Шри-Ланке пик сингалезского националистического мятежа в 1970-х годах и тамильского восстания в конце 1980-х годов в точности совпал с годами, когда «молодежная волна» людей от 15 до 24 лет в этих группах превосходила 20 % от общей численности группы. Практически все сингалезские повстанцы были не старше 24 лет, а «Тигры Тамилы», как сообщалось, были уникальны в своем роде, поскольку опорой им служила, по сути, детская армия, ряды которой пополняли мальчики и девочки, едва достигшие одиннадцати лет. Как отмечал влиятельный английский журнал «Экономист», тигры вели «войну несовершеннолетних». Аналогичным образом конфликты и даже войны по линии разлома между различными этническими группами подпитывались значительной разницей в приросте населения. В 1980-х годах Чечня была одной из самых густонаселенных территорий в России; численность чеченцев увеличилась на 26 %. Высокая рождаемость в республике привела к появлению переселенцев и боевиков. Не являются исключением и сложные, драматичные процессы, приведшие к межцивилизационным войнам в бывшей Югославии. У них также было много причин и много отправных точек. Однако весьма вероятно, что самым важным фактором были демографические изменения в Косово. К 1980-м годам около 50 % албанцев находились в возрасте менее 20 лет. Изменявшийся демографический баланс привел к тому, что албанцы выдвинули требование о повышении статуса Косова до статуса Югославской Республики. Этническая экспансия одной группы привела к этническим чисткам со стороны другой. Таким образом, изменения в демографических соотношениях и «молодежные пики» в 20 % или более «ответственны» за многие межцивилизационные конфликты конца XX столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.